

В.Л. Мельников

Частные усадебные музеи конца XIX – начала XIX века на примере музея князя П.А. Путятина в Бологом: к постановке проблемы

Частные (негосударственные) музеи в России – явление малоизученное, но весьма актуальное. Кто их ныне открывает? Зачем? Почему? Точное количество частных музеев России неизвестно. В Москве же их насчитывается уже 170. Крупнейший – Русский национальный музей, созданный в 1993 г. и собирающий произведения отечественного искусства и изделия фирмы Фаберже. Есть известный Музей Ломакова с коллекцией старинных автомобилей и мотоциклов. Самый почтенный возраст у частного Картографического музея в Санкт-Петербурге, ведущего свою историю ещё с далёкого 1859 г. (“картографическое заведение А. Ильина”). Там же сравнительно молоды Музей граммофонов и фонографов Владимира Дерябкина и единственный в стране Музей военного костюма Б.В. Невеля-Небелевича. Наиболее известен Музей-квартира Владимира Набокова на Большой Морской улице. Частные музеи разбросаны по всей стране. В Екатеринбурге их два – “Невьянская икона” Евгения Ройзмана (старообрядческие иконы XVII–XIX вв.) и Музей камня В. Пелепенко. Немало частных музеев на Волге: в Угличе – Музей-библиотека русской водки Артура Соломонова, в городе Мышкине – соответственно Музей мыши, а в областном центре в Ярославле – тоже первый в России Музей старинных часов, колокольчиков и музыкальных инструментов Джона Мостославского. В Нижнем Новгороде славится Музей русских самоваров XVIII–XIX вв., созданный бывшим спецназовцем Игорем Латашевым. Даже в маленьком Переславле-Залеском уже целых три частных музея¹. Это перечисление можно продолжать ещё долго.

Развитию частного музейного дела ныне, как ни странно, способствует государство. Нет, конечно, не прямыми субвенциями и субсидиями (впрочем, такое тоже случается), и не

¹ *Бутузова Л.* Паровоз в частной собственности // Московские новости. №28. 2004, 30 июля

ТРИУМФ МУЗЕЯ?

внятыми правилами и позицией чиновников “на местах”. Политика сокращения расходов в сфере культуры и образованного досуга привела к тому, что инициативные музейщики сами уходят в частный сектор. Инициативу творческих, одарённых организаторов культуры не может остановить никакое равнодушие властей, никакое обездушивание общества под влиянием СМИ. Это – ответ “души народа” (выражение Н.К. Рериха) современным вызовам, и поэтому частное музейное дело будет только развиваться, несмотря на все трудности пресловутого “переходного периода”. В этот период становления очень важно не забывать об истоках, о том опыте частного музейного строительства, который насчитывает в нашей стране более трёх столетий. Нам представляется, что изучение опыта небывалого расцвета частных музеев России в конце XIX – начале XX века сможет не только обогатить содержание и миссии новых музеев, но и восполнит разрыв в преемственности, вызванный трагическим лихолетьем кровавого XX века. В этом разрыве мы видим основную проблему всего музейного дела России вообще, а не только частных музеев.

* * *

Для Музея-института семьи Рерихов в Санкт-Петербурге, вот уже пятый год существующего в статусе частного (негосударственного) учреждения культуры, первейшей и основной задачей является “обеспечение преемственности в выявлении, сохранении, изучении наследия семьи Рерихов, их культурного окружения, современников”. Следует отметить, что эта линия преемственности обозначена музейной деятельностью самого Н.К. Рериха и его семьи. Но и Н.К. Рерих, основавший не один частный музей в России, США, Европе и Индии, учился музейному делу на опыте многих своих выдающихся предшественников. В многотомных “Листах дневника” художник не раз называет имена владельцев частных музеев и картинных галерей России, с кем он общался, чей опыт он отмечал как несомненно значимый для развития музейного дела. Им названы имена Строганова, Юсупова, Нарышкина, Кочубея, Шуваловой, Лейхтенбергского, Семёнова-Тян-Шанского, Голенищева-Кутузова, Шидловского, Боткина, Деларова, Врангеля, Мякинина, Щавинского, Селиванова, Путятин, Тенишевой, Рейтерна, Митусова, Тевяшова, Ильина, Толстого, Бенуа, Яремича, Браза, Крачковского, Слепцова, Степанова и многих других.

В этом перечислении имя археолога, антрополога и коллекционера князя Павла Арсеньевича Путятина (1837—1919) стоит несколько особняком, поскольку здесь речь идёт также и о наследственной преемственности семейных традиций нескольких поколений, нескольких выдающихся российских родов, соединившихся с Рерихами через брак Н.К. Рериха с Е.И. Шапошниковой, приходившейся супруге князя П.А. Путятина, княгине Е.В. Путятиной, рождённой Голенищевой-Кутузовой, родной племянницей.

Внучка княгини Е.В. Путятиной, Людмила Степановна Митусова (1910–2004), родившаяся в Бологовском имении князя П.А. Путятина, запомнившая облик князя в раннем детстве, в новейшее время стала фактическим основателем Музея-института семьи Рерихов в Санкт-Петербурге. Она же и передала новому частному музею реликвии Путятиных, Голенищевых-Кутузовых, Шаховских, Потоцких, Марковых, Шапошниковых и, конечно, Рерихов. Таким образом, изучение наследия князя П.А. Путятина и его семьи для нашего Музея-института – одна из первоочередных задач в сохранении исторической и фамильной преемственности. Поэтому особенно актуально и значимо в настоящий период становления Музея-института как учреждения культуры и науки нового типа¹ изучить опыт создания в Бологовском имении Путятиных частного усадебного музея, в пополнении коллекций которого Н.К. Рерих принимал самое непосредственное участие.

Когда в 1904 г. князь П.А. Путятин с сыновьями решил соорудить в Бологом свой “специальный художественно-археологический музей, который давал бы полную картину этой богатой историческими воспоминаниями местности”², Н.К. Рерих одним из первых поддержал это начинание. Многие пункты раскопок и разведок Рериха в 1899–1916 гг. находились на землях, принадлежавших либо князьям Путятиным, либо их родственникам (например, барону А.А. фон-Гейкинг)³. Поэтому в музее

1 Бондаренко А.А., Мельников В.Л. Идея Синтеза в учреждении науки и культуры нового типа // Международная научно-духовная просветительская конференция «Эволюция Космоса и сознания человека (аспекты синтеза)» (Воронеж, 18-19 декабря 2004). Воронеж, 2005.

2 Санкт-Петербургские ведомости. 12 ноября 1904. № 311.

3 См.: Из неопубликованной переписки Н.К. Рериха с петербургскими учёными (1896—1917). Публ. В.Л. Мельникова; Мельников В. Л. Н. К. Рерих

Путятиных были археологические предметы из раскопок Рериха. Несомненно и другое: Рерих участвовал в формировании художественной коллекции Путятиных. Уже в начале 1903 года на выставке в Петербурге появились два его произведения (“Портрет князя П.А. Путятина” и “Вечер”), отмеченные как собственность князя Павла Арсеньевича¹. Известно, что в собрание князя Михаила Сергеевича Путятина (1861—1938)² также поступала его живопись. В 1908 году, в Кёльне, Рерих намеревался купить князю Павлу Арсеньевичу “марок за пять настоящего Рембрандта”³ и, судя по всему, осуществил своё намерение.

В очерке “Собиратели” Николай Константинович кратко охарактеризовал тех владельцев произведений искусства, с которыми ему пришлось столкнуться в жизни. Всех владельцев он разделил на две неравные части: наследственные собственники коллекций, в формировании которых они не принимали участия, и “три группы живых собирателей, горевших каждый по-своему и любивших избранную ими область”. Эти три группы, по выражению Николая Рериха, дали России много культурных страниц. И вот князя П.А. Путятина Рерих поместил в первую из этих трёх групп – группу питерских собирателей,

и Санкт-Петербургская палеоэтнологическая школа. // Петербургский Рериховский сборник. № 1. СПб., 1998. С. 112-116, 154-158.

1 Каталог выставки картин, этюдов и рисунков Н.К. Рериха. СПб.: Современное искусство, 1 марта 1903. № 73 и 90. Отгиск в РНБ. Андрей Карелин в критической статье о выставке отмечал, что на ней много работ, «превосходно проштудированных с натуры». Далее названы некоторые из них, в том числе портрет князя П.А. Путятина. По мнению А. Карелина, они «указывают на внимательное, серьёзное изучение человеческой природы, необходимое для картин художника» (Карелин А. Выставка произведений Н.К. Рериха. // *Знамя*. 4 марта 1904. № 59).

2 Дальний родственник князя Павла Арсеньевича (Гребельский Х.П. Князя Путятины. ... С. 229. № 142), его друг; владелец имения Блавское. Член Комиссии Музея Допетровского искусства и быта (с 1909). Редактор “Летописного и лицевого сборника дома Романовых” (с 1913), в котором сотрудничал Рерих.Е.И. Рерих в родословной записи писала: «Младшая линия Путятиных состояла из Михаила Сергеевича и Нила Сергеевича, женатых на сёстрах, на дочерях адмирала Платова. Михаил Сергеевич начал карьеру морским офицером, продолжил чиновником по особым поручениям при Государе и императорской семье, и затем был назначен начальником Царского Села, резиденции Государя. Сергей Михайлович имел двух сыновей. Старший был женат на великой княгине Марии Павловне [младшей] после её развода со шведским принцем». Сохранилось 2 письма кн. М.С. Путятина к кн. П.А. Путятину 1892 и 1907 гг.: РА ИИМК, ф. 15, № 74.

3 Письмо Е.И. Рерих. Германия. 29 июля 1908 // ОР ГТГ, ф. 44, № 223.

охарактеризованную им в целом так: “Не все из них были богатыми. Многие отдавали в собирательство все свои средства и заработки. Как часто бывает, семейное окружение нередко препятствовало собирательству, считая его не дельною забавою... Также нередко увлечение собирательством объяснялось чем-то своекорыстным для удовлетворения самолюбия... Всегда люди судят по себе”¹.

* * *

О конкретных вещах из художественной коллекции Павла Арсеньевича в материалах Рерихов сохранились весьма интересные, хотя и отрывочные сведения. Для нас именно эти высказывания Рерихов, подкреплённые личными воспоминаниями современницы Путятиных и Рерихов Л.С. Митусовой, послужили толчком к изучению частного музея князя Путятина.

Елена Ивановна Рерих записала целую историю в связи с одним портретом из Бологовского собрания. “Поликастрицкие, новгородские помещики, – вспоминала Е.И. Рерих в 1950-х гг., – тоже в близком родстве [с нами]. Так, Поликастрицкая была необыкновенно красивой, имела много поклонников, и после самоубийства второго поклонника она дала обет не показываться среди людей без маски. В имении тётки Путятиной висел прекрасный большой её портрет, в белом платье времён Ампира, она сидит в большом красном кресле и в руках у неё маленькая белая атласная маска. Головка, действительно, очаровательная. Тёмно-бронзовые волосы, курчавые и обрезаны, как у мальчика. Потомства она не имела. Умирая, она отпустила на волю своих крестьян и завещала им одно из своих поместий в Новгородской губернии. Народ чтит её могилу, ибо она велела похоронить себя в освобожденной земле, под открытым небом”².

Одним из первых дел Николая Константиновича Рериха в должности секретаря Императорского Общества поощрения художеств (ИОПХ) стала выставка картин старых мастеров, организованная им осенью 1901 г. совместно с коллекционером и

1 *Рерих Н.К.* Собиратели. Б. д. // Листы дневника. Т. III. М.: МЦР, 1996. С. 591.

2 *Рерих Е.И.* [Фрагменты родословной]. Род Шапошниковых. Герб рода Голенищевых-Кутузовых. Род бабушки Азарьевой. Род Путятиных. [Первая половина 1950-х гг.] Машинопись в архиве Музея-института семьи Рерихов в СПб., фонд МСССМ.

знатоком средневекового искусства Тринейзенем в помещении этого общества в Санкт-Петербурге на Большой Морской, дом 38. Среди приглашенных Рерихом владельцев картин присутствовал и князь П.А. Путятин, многие годы действительный член ИОПХ, внёсший значительные труды на пользу этого учреждения культуры¹. В письме Е.И. Шапошниковой художник упоминает о редком полотне из Путятинского собрания: “Дорогая моя Ладушка, сейчас был я у Тринейзена. <...> Картину князя – ждём у него; она в порядке. Передал ему поклон и ожидание князя его приезда. Картина князя по его словам интересна и быть может кое-где на ней подлинная рука да Винчи”². Судя по “Каталогу состоящей под Высочайшим Е. И. В. Государя Императора покровительством историко-художественной выставки русских портретов, устраиваемой в Таврическом дворце в пользу вдов и сирот павших в бою воинов” (СПб., 1905; инициатива С.П. Дягилева), князь П.А. Путятин и Н.К. Рерих совместно участвовали в этой выставке как владельцы произведений. И подобных примеров сотрудничества можно привести ещё много.

Живое знакомство с деятельностью князя Павла Арсеньевича, начавшееся весной 1897 г. на заседаниях Императорского Русского Археологического общества (ИРАО), позволило Рериху перенять тот огромный научный опыт, которым князь охотно делился с коллегами. Именно это общение с Путятиным и его наследием имел в виду Рерих, когда 26 августа 1900 г. писал будущей жене: “Вспоминаю вечера у князя в кабинете...”.

Ключевое слово – **кабинет!** Тот самый кабинет, в котором трудился и отдыхал ещё император Александр II. Здесь Рерих спал в свою первую ночь в Путятинском доме в августе 1899 г. Здесь он общался с князем П.А. Путятиным и его коллекциями многие годы спустя. Ещё в 1878 г. А.Н. Виноградов назвал Путятинский бологовский кабинет **музеем**³. В нём, действительно, хранилось много замечательного, что могло привлечь внимание как отечественных, так и западных исследователей: ценное собрание картин, эстампов, эскизов, акварелей, архитектурных чертежей; собрание фотографических, олеографических, лито-

1 Рерих Н.К. Цветы художества. Пекин. 17 декабря 1934. // Листы дневника. Т. I. М.: МЦР, 1995.

2 Рерих Н.К. Письмо Е.И. Шапошниковой. СПб. 17 июля 1901. // ОР ГТГ, ф. 44, № 249.

3 Виноградов А.Н. Палеографическая коллекция князя П.А. Путятина. // Памятники древней письменности. СПб., 1878-1879. С. 215.

графических и других снимков; огромная археологическая коллекция, включавшая в себя находки от палеолита до средневековья, “добытых на Севере и на Юге России”; нумизматическая коллекция; коллекция медальонов и жетонов; собрание редких бюстов; наконец, уникальное палеографическое собрание разных рукописей; также автографы и факсимиле известных лиц (от царей Алексея Михайловича и Петра Великого до А.С. Пушкина и Камилла Фламариона)¹. Все эти культурные сокровища всегда были открыты для научного обозрения.

В Бологом, у князя П.А. Путятина, Рерих обрёл надежных помощников на поприще археологии. Известно, что племянник княгини Е.В. Путятиной, Борис Николаевич Рыжов, участвовал в раскопках и разведках Рериха по Боровичскому уезду в 1902 г.² Сын князя Путятина, Михаил Павлович, активно помогал Рериху во время его исследований на озере Пирос в 1904 г., в последующие годы участвовал в пополнении Рериховской коллекции каменного века, совместно с Рерихом осуществлял передачу археологических находок в музеи и т. д.³ Да и сам Павел Арсеньевич всегда лично содействовал Рериху, когда тот исследовал то или иное окрестное урочище⁴.

1 *Виноградов А.Н.* Палеографическая коллекция князя ... С. 215-229.

2 *Рерих Н.К.* Письма Е.И. Рерих. СПб.; д. Меглецы и с. Потерпилец Боровичского уезда. 10 июля 1901, 10 мая 1902, 24 июня 1902. // ОР ГТГ, ф. 44, № 394, 236, 260.

3 *Рерих Н.К.* Каменный век на озере Пирос. СПб.: тип. И. Н. Скороходова, 1905; Письма Е.И. Рерих. Германия. 1908. // ОР ГТГ, ф. 44, № 222, 240; Археология. Книга первая: Материалы Императорской археологической комиссии. 1892—1918 // Петербургский Рериховский сборник № 2-3. СПб., 1999. С. 456, 473; *Chervin, A. de Mortillet.* [Французский Доисторический конгресс, первое заседание. Перигё.] // *L'Anthropologie.* Т. XVI. Париж, 1905, июль-октябрь. С. 515.

4 Вот только некоторые примеры. В 1899 г., «при любезном посредстве князя П.А. Путятина», Рериху удалось сделать небольшую раскопку вблизи Бологого, в местности Глубочиха при деревне Подлипые (*Рерих Н.К.* Некоторые древности Шелонской пятины и Бежецкого конца. (Раскопки, произведённые в 1899 г. по поручению ИРАО). СПб., 1899. С. 7, 26-29). В 1904 г. князь П.А. Путятин помогал атрибутировать найденные Рерихом на озере Пирос предметы (*Рерих Н.К.* Каменный век на озере Пирос. ... С. 7). В 1905 г. при содействии князя П.А. Путятина Рерих раскапывал Кафтинский городок, материалы раскопок были продемонстрированы князем на Доисторическом конгрессе во Франции в том же году. Это была первая демонстрация российских предметов каменного века перед всем миром. Накануне её Рерих писал князю: «Характеристику предметов я полагаю на Ваше внимание и огромный опыт» (Из неопубликованной переписки Н. К. Рериха с пе-

Судя по всему, между князем Путятиным и Рерихом велась весьма содержательная переписка, но, к сожалению, большая её часть утрачена¹. Почти все известные письма опубликованы. Сохранившиеся протоколы заседаний ИРАО, ИОПХ, других художественных и научных обществ, ссылки в статьях Рериха на князя П.А. Путятину², эпистолярные упоминания – всё это свидетельствует о том, что в начале XX века между двумя деятелями науки и искусства вёлся доброжелательный, взаимно полезный диалог, приобретающий порой различные формы дружеского сотрудничества.

* * *

Судьба коллекций князя П.А. Путятинина до сих пор остаётся невыясненной. В будущем необходимо прояснить и этот вопрос. Археологические находки князя поступали в Государственный Эрмитаж, в Кунсткамеру, в Императорский Санкт-Петербургский университет, музей ИРАО, в Исторический музей в Москве, в Новгородский музей, в Венский придворный музей натуральной истории и даже в Смитсоновский институт в Ва-

---

тербургскими учёными ... С. 158). Есть указание на их совместное исследование городища недалеко от села Млёво Вышневолоцкого уезда около 1906 г. (*Рерих Н.К.* Археология. Книга первая... С. 466; *Мельников В.Л.* Н.К. Рерих и Вышневолоцкий край. // Дельфис. М., 1998. № 3. С. 44). 30-31 июля 1908 г. Рерих писал в Бологое жене из Германии: «Нельзя ли, чтобы князь до моего приезда достал мне разрешение покопать Рай Городок [южная оконечность озера Глубокого. — В. М.]. Или у него уже есть разрешение? Думаю, что в Берлине не остановлюсь — скорей проеду к Ладушке. Очень хочется. Хочется с Тобою погулять, поездить! Это так хорошо. Перед такой хлопотливой зимой и высидев месяц на месте ведь нужно пошевелиться. Правда? Поищем камушки?» (ОР ГТГ, ф. 44, № 224). И таких примеров ещё целый ряд.

1 Известно о письмах Павла Арсеньевича Рериху в 1901 и 1906 годах (см.: ОР ГТГ, ф. 44, № 229, 413). Известно, что Рерих писал в 1899, 1905 и 1909 годах (см.: РА ИИМК, ф.15, № 76, 220; ОР ГТГ, ф.44, № 121). Конечно, переписка велась и в другие годы. См.: *Мельников В.Л.* О наследии Н.К. Рериха в ИИМК РАН. // Левша. Н. Новгород, 1998. № 2 (10). С. 3; Из неопубликованной переписки Н. К. Рериха с петербургскими учёными ... С. 154-158, 161.

2 Особенно это касается ссылок на огромную Бологовскую стоянку каменного века и на атрибуции князя Путятинина, основанные на материалах этого памятника: *Рерих Н.К.* Некоторые древности пятин Деревской и Бежецкой. (Раскопки, произведенные в 1902 г. по поручению ИРАО). // Записки Отделения русской и славянской археологии (далее – ОРСА) ИРАО. Т. V. Вып. 1. СПб., 1903. С. 14, 22, 23; *Рерих Н.К.* Каменный век на озере Пирос. ... С. 1, 9.

шингтоне¹. В 1915-1916 гг. князь Путятин поддержал созданный Рерихом Музей русского искусства при школе ИОПХ, передав в дар этому Музею шесть произведений из своей коллекции². Но где находятся теперь эти произведения, попали ли они в Русский музей, в другие музеи страны, были ли проданы за границу, неизвестно.

Лишь несколько картин и вещей, имеющих прямое отношение к имени князя П.А. Путятина в Бологом, ныне хранятся в Музее-институте семьи Рерихов в Санкт-Петербурге, в фонде Мемориального Собрания С.С. Митусова. Например, две работы художника Фёдора Ивановича Братского, бывшего крепостного, дававшего когда-то уроки живописи молодому Павлу Арсеньевичу. На первой его картине (масло, холст, 100×80) изображён сидящий мальчик Стёпа Митусов в одном из уголков Бологовского сада. В нижней части полотна надпись: “Бологое,

1 Например, о вкладе в музей ИРАО известно по его “Краткому каталогу”, составленному А.А. Спицыным (СПб., 1908): № 8. «Семь таблиц с поделками из кремня и сланца и огромное собрание черепков из раскопок князя П.А. Путятина в Бологом. Коллекция издана в “Записках Русского Отделения ИРАО”, т. V, вып. 1, с. 239-277. Принесена в дар Обществу князем в 1907 г.»; № 63. «Горшок с сожжёнными костями, найденный на Бологовском мысу, на глубине 1 арш., и доставленный в 1907 г. князем П.А. Путятиным. Первая находка этого рода на Валдайской возвышенности»; № 110. «Вещи из курганов XI-XII в., раскопанных в прежнее время на берегу Бологовского озера, у мельницы Глубочицы, доставленные князем П.А. Путятиным в 1903 г.: бусы, височные кольца проволочные среднего размера (в обломках), бубенчики, сломанная медная шейная гривна, витой медный браслет, железные поделки. Данные в “Записках ИРАО”, т. XI, вып. 1, с. 372». № 215. «Шиферная плитка с изображениями из Эдессы, полученная в 1900 г. от князя П.А. Путятина. Данные в “Записках ИРАО”, т. XII, вып. 1, с. 199». № 271. «Мраморный бюст фавна, вывезенный из Италии в давнее время и переданный в Общество князем П.А. Путятиным. Работа XVIII в.». В “Указателе Исторического музея”, в “Описании Новгородского музея” и в каталогах ещё нескольких других музеев того времени можно прочесть подобные записи.

2 По каталогу: № 23. *Братский, Фёдор Иванович*. Благовещение (5 набросков на одном листе). Кар. 17³/₄×21; № 110. *Молдавский, Константин Антонович*. 1813—1855. Ангел. Кар. 29¹/₂×46¹/₃; № 113. *Неизвестный русский художник 70 гг. XIX в.* Набросок пейзажа. Перо. 16×7; № 115. *Нефф, Тимофей Андреевич*. 1805—1876. Этюд образа. Кар. 15³/₄×24; № 167. *Шамшин, Пётр Михайлович*. 1811—1894. Четыре Евангелиста. Кар. 21¹/₂×36¹/₂; № 170. *Шебуев, Василий Кузьмич*. 1777—1855. Исцеление слепого. Кар. 39¹/₂×29. См.: Музей Русского искусства при Школе ИОПХ. Каталог. Пг., 1916.

1883 г. Ф. Братский”. Вторая картина (картон, пастель, 48Ч35) – это овальный портрет молодой княгини Е.В. Путятиной.

17 июля 1917 г. Рерих с горечью писал о гибели Путятинского имения: “В Бологое у старика Путятин сгорел старый дом. Часть мебели вынесли, но наслоения времени погибли...”¹.

С 13 по 23 марта 1943 г. на Бологое было сброшено 1811 немецких авиабомб, в другие месяцы войны ещё тысячи снарядов. “Это был настоящий ад!” – говорят выжившие очевидцы². Почти весь город был стёрт с лица земли. Таким образом, в течение XX века облик его изменился неузнаваемо и невосстановимо. Можно ли говорить в связи с этим о чём-то подлинном, что ещё осталось от Путятинской усадьбы, от старых хозяев?.. Ответить на данный вопрос тоже должны новые исследования.

В последнее десятилетие мы не раз посещали места, связанные с именем князей Путятиных в Бологом. От усадьбы Павла Арсеньевича сохранилась лишь одна аллея, ведущая к Бологовскому озеру, да огромная лиственница, с отсечённой то ли молнией, то ли снарядом вершиной. Во время недавних земляных работ на значительной площади бывшей усадьбы снят и куда-то вывезен культурный слой (толщина снятого грунта 1-1,5 м). Были ли при этих работах специалисты-археологи, нам неизвестно. Символично, что на месте главного усадебного дома ныне высится внушительное кирпичное здание местного дома культуры и спорта. В нём находятся мастерские художников, народные промыслы, танцевальные кружки, библиотека и т. п. Так продолжается многовековая история Путятинской усадьбы, замечательного памятника русской культуры и подвижничества, запечатлённого в творчестве выдающихся учёных, художников, писателей и композиторов.

На будущее мы ставим своей задачей изучить все этапы формирования частного усадебного музея князя П.А. Путятин в Бологом. И большим подспорьем здесь станут как опубликованные труды князя, так и его неизданные сочинения и письма, сохранившиеся в архивах. Многие из его сочинений необходимо ещё выявить, а те, что в настоящий момент обнаружены, необходимо расшифровать, а зачастую ещё и перевести на русский язык.

---

1 Рерих Н.К. Письма к А.Н. Бенуа. СПб.: Сердце, 1993. С. 11.

2 Багажова И. Бологое 500 лет. Ржев, 1995. С. 6

Неотъемлемой частью Бологовского частного музея являлась и уникальная библиотека князя, об отдельных раритетах из которой мы ещё упомянем ниже. По архиву князя и воспоминаниям современников следует попытаться воссоздать эту библиотеку хотя бы в списке.

* * *

К сожалению, имя известного в своё время учёного князя Павла Арсеньевича Путятина мало что говорит современным историкам науки. Между тем, самый беглый взгляд на библиографию его работ¹ позволяет судить о широте его научных и художественных интересов. В его архиве хранятся материалы (переписка, статьи и тезисы), посвящённые широкому кругу вопросов археологии, этнографии, генеалогии, искусствоведению, музееведению, антропологии и географии. А его связи с европейскими и американскими учёными, занимавшимися археологическими и этнографическими исследованиями в XIX – начале XX века поистине впечатляют. В круг его интересов и общения входили Вазинский, Вильсон, Вирхов, Бремер, Картальяк, Лёббок, Лёве, Летурне, Мортилье, Пич, Ранке и многие другие. Посетителями частного музея князя Путятина в его Бологовском имении бывали видные деятели нашего государства и иностранные дипломаты: император Александр II, герцог П.Г. Ольденбургский, граф П.М. Строганов, новгородский губернатор В.Я. Скарятин, курский губернатор П.П. Косаговский, посланник французского правительства, антрополог и коллекционер барон И. де-Бай, ставший его другом, прусский посланник князь Рейс, епископ Лонгс. Последний был командирован в Россию правительством Великобритании и впоследствии о результатах поездки издал отчёт в Лондоне. Русский научный мир также хорошо знал дорогу в заповедный Бологовский музей. Большинство учёных в кругу князя Путятина не были узкими специалистами, как и он сам. Для них было характерно полное освоение и применение так называемой “анучинской триады” – “концепции комплексного метода исследования историко-культурных и историко-социальных проблем одновременно тремя науками – антропологией, археологией и этно-

---

1 Краткий список работ князя П.А. Путятина // *Мельников В.Л.* Князь Павел Арсеньевич Путятин и его бологовская усадьба. СПб. – Вышний Волочёк, 2000. С. 51–59.

графией”¹. К слову, Дмитрий Николаевич Анучин в 1885 г. посетил князя Путятину в Бологом, что демонстрирует большой интерес этих учёных друг к другу.

О возможной значимости для науки многих ныне почти забытых работ князя Путятину свидетельствуют повестки и протоколы заседаний тех научных обществ, в деятельности которых он участвовал. 22 марта 1880 г. он впервые выступил на “Чтениях и беседах” в Петербургском Археологическом институте с программным докладом “О занятиях археологией с научной целью и об её отношении к некоторым соприкасающимся к ней знаниям”. Именно после этого доклада князь “становится признанным археологом”². О том, как князь Путятин использовал данные смежных наук в собственных исследованиях и, как следствие, в собирательстве, пишет он сам в “Воспоминаниях”, датированных 1 февраля 1888 г. Большая часть его трудов посвящены палеоэтнологии, которую он определял как “науку изучения первобытного быта народа”³. В конце концов, все разнообразные, подчас разбросанные увлечения князя соединились в одно стремление – “исследовать условие умственных зачатков первобытной жизни обитателей нашей местности” (т. е. Валдайской возвышенности)⁴. И здесь он нашёл себя в полной мере. Он искренне полюбил древнего человека и его культуру на всю жизнь, о чем писал с большим воодушевлением:

“...В исследованиях нашей доисторической жизни есть своеобразная суровая поэзия. Эти дикари с их борьбой за существование, с их работой ума для усовершенствования пищи, одежды, техники орудий и оружия вполне достойны не одной безучастной научной оценки, но и более сердечной, более задушевной. На наших первобытников нельзя смотреть как на каких-то идиотов, напротив, это были разумные, энергичные бой-

1 *Томилов Н.А.* Археолого-этнографическое течение в российской науке // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сборник научных трудов / Под ред. А.Г. Селезнева, С.С. Тихонова, Н.А. Томилова. – Нальчик; Омск: Издательство ОмГПУ, 2001. С. 20–23.

2 *Спицын А.А.* [Памяти князя П.А. Путятина]. // *Российский Исторический Журнал РАН*. Кн. 7. Пг.: Государственное издательство, 1921. С. 247–249.

3 *Воспоминания и заметки князя Павла Арсеньевича Путятина*. 1854-1881. Оттиски из исторического журнала “Русская Старина”, издания 1887 и 1888 гг. Село Бологое, Валдайского уезда, Новгородской губернии, [1888]. С. 4.

4 *Там же*. С. 26.

цы, разработавшие начала теперешнего жизненного строя. Эмбрионы верований, развития языка и письменности, архитектуры и орнаментики, музыки и поэзии, живописи и скульптуры, хлебопашества, огородничества и плодоводства, гончарства и производства тканей, металлургии, приручений животных и пчёл, а также охот, рыболовства и военных усовершенствований, развития гражданского и семейного бытов, медицины и многого, многого другого, совершенствовалось ими. Хвала и честь этим борцам культуры, этим стихийным героям, этим первобытникам нашей планеты, которым мы стольким обязаны. К величайшему сожалению, палеоэтнология ещё не смогла определённо установить отношения первичных рас, ископаемый остеологический материал имеется в очень ограниченном числе; но туман по времени проясняется, и следует верить, что усилия людей науки подходят близко к положительным выводам”¹.

Естественно, эти взгляды учёного накладывали свой отпечаток на весь облик созданного им усадебного музея в Бологом. По счастливому стечению обстоятельств соседом князя Путятин в Бологом оказался известный историк-этнограф, географ, писатель-славянофил Александр Фёдорович Гильфердинг. Князь восхищался его историческими и филологическими исследованиями, и многое почерпнул от него. Благодаря Гильфердингу он понял, что лишь обладание древними и новыми языками в комплексе даёт ключ к расширению сферы познания. Это понимание в полной мере проявилось в фундаментальном труде князя Путятин “Из области астрономической археологии. Изображения созвездия Большой Медведицы на каменной точилке каменного периода России” (закончено 19 марта 1886)², где им использованы слова и выражения более десяти наречий, в том числе древних, приведены данные из фольклора чеченцев, таджиков, индийцев, народов Севера Евразии и Америки и т. д.

Князь Путятин горько оплакивал раннюю смерть Гильфердинга, с которым он успел близко сойтись. Как он писал, учёный “пал жертвою своего стремления – продолжать изучение памятников народного эпоса: летом 1872 г., на пути в глубь Олонецкой губернии, для собирания народных былин, – обширный сборник которых был уже им собран в 1871 г., – Гильфердинг за-

1 Там же. С. 83–84.

2 Автограф в РА ИИМК, ф. 3, № 557.

разился тифом и умер на 41-м году, к великому горю русской науки и всего славянства”¹. В имении Гильфердинга, расположенном в бологовском сельце Арефино по соседству, князь имел возможность знакомиться и общаться с писателями И.С. Аксаковым, И.С. Тургеневым и М.И. Семевским, директором Петербургского Археологического института Н.В. Калачовым, историком К.Н. Бестужевым-Рюминым. В последствии общение с Михаилом Ивановичем Семевским подтолкнуло князя к приобретению старинных и редких изданий, а главное – к собиранию рукописей и автографов замечательных лиц. Первые же находки памятников древнерусской письменности сделали князя Путятиным известным среди историков и археографов.

В 1878 г. в имение князя Путятина приезжал А.Н. Виноградов, член-сотрудник Императорских Русских Археологического и Географического обществ, впоследствии известный под именем отца Алексия в Православной миссии в Пекине. Осмотрев палеографическую коллекцию князя Путятина, библиотеку, автографы выдающихся лиц, картины и прочее, он поместил описание всего собрания в “Памятниках древней письменности”². Именно в этой публикации Путятинское собрание впервые названо *музеем*. Как отмечал А.Н. Виноградов, “в данном случае, несомненно, важна высокая идея, преследуемая в созидании этого рода коллекции”³. Самой ранней старопечатной книгой в собрании являлся “Синописис Гизеля” 1674 г., а самой ранней рукописной – “Гранограф, сиречь летописец”, окончанный в 1665 г. Особый интерес для этнографа и историка мог представлять ещё один рукописный недатированный фолиант в четверть листа – “Книга, глаголемая прохладный вертоград или лечебник”. А.Н. Виноградов поместил весьма подробное оглавление этого по сути фольклорного памятника на 6 страницах. Наконец, самой древней датированной рукописью была “Память Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича Боярину и Воеводе Петру Васильевичу Шереметеву” 1646 г. Князь Путятин не только предоставлял коллегам для публика-

1 *Воспоминания и заметки князя Павла Арсеньевича Путятина...* С. 8.

2 *Виноградов А. Н.* Палеографическая коллекция князя П. А. Путятина... С. 215–229.

3 *Там же.* С. 216.

ции материалы из собственной библиотеки, но и сам их издавал или использовал в докладах¹.

Действительно, “у него была прекрасная библиотека”². Эти слова Людмилы Степановны Митусовой, дороги нам тем, что сказаны человеком, помнящим как самого князя, так и его неолитическую коллекцию, а также собрание редких книг в Петербургском и Бологовском кабинетах. Вскоре после кончины князя корифей российской археологии А.А. Спицын напишет: “Мы не достаточно оценивали князя Путятина, потому что не доросли до него. После него остался ряд хороших, взвешенных статей, отличное собрание бологовских и заграничных вещей, специальная библиотека, конечно, лучшая в России, фотографические снимки, переписка”³.

О творческих контактах учёного с историком Аристом Аристовичем Куником можно судить по тем оттискам статей князя Путятина, которые сохранились в библиотеке известного академика. Как известно, А.А. Куник широко пользовался данными лингвистики и исторической этнографии. Именно он посоветовал князю отправиться для исследования берега Брегалницы в Македонию, где когда-то подвизались первоучители славян, святые Кирилл и Мефодий. По его расчёту в македонских церквях и монастырях могли найтись рукописи, может быть, самих первоучителей. Для этих поисков князю необходима была основательная подготовка, и он обратился к директору

1 Таковы его издание – «Список с росписи приданного Анны Кондратьевны Загряжской, вышедшей замуж в 1687 году за князя Петра Ивановича Хованского, двоюродного племянника начальника стрельцов, князя Ивана Андреевича Хованского, обезглавленного 17 сентября 1682 года» (Раритетный оттиск в РГБ. Шифр Т¹⁶/₃₁₂. «Доставлен членом-сотрудником [ИРАО] князем П.А. Путятиным. Напечатано по распоряжению ИРАО в типографии Имп. Академии Наук. СПб., [1879]») и рефераты «О некоторых указах царей Иоанна и Петра Алексеевичей касательно переписи 1684 года» на заседании ОРСА ИРАО 11 января 1892 г. См.: Записки ИРАО. Т. VII. Новая серия. СПб., 1895. С. XXVII, XXXIX) и «Исторические документы времени царей Иоанна и Петра Алексеевичей (1685–1687)» (на заседании ОРСА ИРАО 7 февраля 1914 г.) См.: Известия Императорской Археологической комиссии. Прибавление к вып. 56. Пг., 1914. С. 8; РА ИИМК, ф. 3: № 302, л. 82; № 416, л. 23).

2 Митусова Л.С. О прожитом и судьбах близких. СПб.–Вышн. Волочёк, 2004.

3 Спицын А.А. Указ. соч.

Публичной библиотеки и тогдашнему председателю ИРАО, археографу, академику Афанасию Фёдоровичу Бычкову.

Так стезя исследователя привела его в “Отделение русской и славянской археологии” ИРАО. В 1875 г. совместно с художником Ф.А. Братским князь составляет записку “Взгляд на новгородские древности”, в которой впервые сообщается об открытии фресок Благовещенской церкви на Рюриковом Городище, по мнению авторов, восходящих к 1099 г., т. е. более древних, чем росписи соседней Спасо-Нередицкой церкви. Авторы подробно описали уникальный памятник древнерусской живописи и высказали соображения о необходимости и реальности его очистки от поздней штукатурки. Кроме того, они привели предание, записанное на месте во время исследования церкви. Согласно сохранившейся устной традиции, “под церковью, у входа, должен находиться княжеский погреб, называемый Рюрикова Сокровищница”, и “в построение церкви вошла одна стена бывшего Рюрикова дворца”¹. Это исследование являет классический пример соединения трёх подходов при изучении памятника – археологического, палеографического и этнографического. Оно было направлено в ИРАО, где было принято с большим интересом. Официальную реакцию тогда выражали в письменных “отношениях”, и такое “отношение” за подписью секретаря ИРАО И.В. Помяловского было отправлено князю 20 апреля 1876 г.² И хотя, не все выводы авторов были поддержаны, записка была издана в типографии Академии наук, и 28 декабря 1878 г. князь П.А. Путятин был избран в члены-сотрудники ИРАО, а 20 октября 1881 г. – в действительные члены³.

По документам ИРАО можно сложить представление обо всём наборе тем, вопросов, проблем, которые волновали князя Путятин и были предметом его исследований как учёного-археолога и собирателя. Также можно сказать, что он был весьма пунктуальным членом общества, старался присутствовать на многих заседаниях и активно участвовал в обсуждении рефератов. Он входил во многие временные комиссии ИРАО, например, в комиссию по “химическим исследованиям бронзовых и

1 Братский Ф.И., Путятин П.А. Взгляд на новгородские древности. Напечатано по распоряжению ИРАО. СПб.: типография Имп. АН, [1876]. Уникальный оттиск в БАН, коллекция А.А. Куника. Шифр G⁸⁶/₈₃. С. 5.

2 Воспоминания и заметки князя Павла Арсеньевича Путятин... С. 30.

3 Состав Императорского Русского Археологического общества по 1-е января 1897 года. Оттиск из «Записок ИРАО», т. IX, Вып. 1–2. СПб., 1897. С. 6.

других металлических предметов, находимых в курганах”. Главной задачей этой комиссии было “найти ответ на многие вопросы истории и этнологии”¹. В рамках работы комиссии Д.А. Сабанеев произвёл анализ шлаков из древних горнов, собранных князем во время раскопок в Бологом². Князь Путятин неоднократно избирался депутатом ИРАО на Всероссийские Археологические съезды и, конечно, “без денежной со стороны общества субсидии”. В трудах Археологических съездов издаются такие его ставшие классическими сочинения, как “Чашечные камни Новгородской губернии” (1881)³, “Орнаментации древнего гончарства” (1884)⁴, “О сходстве Бологовских предметов с индустрией кьёккенмоддингов” (1887)⁵, “К делению предметов каменного века в России” (1893)⁶, “Каменный нож и его изменения” (1893)⁷ и др.

Своей научной деятельностью князь способствовал сотрудничеству разных научных направлений и групп в Археологическом обществе. Об этом можно судить, например, по уникальному в истории ИРАО соединённому заседанию двух его Отделений – русского и западно-классического (1885 г.), на котором первым пунктом в повестке значился реферат князя П.А. Путятин “о древностях каменного века”, а вторым и третьим пунктами – рефераты Н.В. Покровского “о базилике Константина Великого в Иерусалиме” и “о печатях Херсонской Фемы”⁸. В дальнейшем такой опыт не повторился. Князь продолжил присутствовать и выступать в своём “Отделении русской и славянской археологии”, хотя вскоре получил приглашение участвовать в деятельности “Отделения археологии классической и за-

1 Записки ИРАО. Т. I. Новая серия. СПб., 1886. С. XI.

2 Там же. С. LXXVI. См. также: Воспоминания и заметки князя Павла Арсеньевича Путятин... С. 45.

3 Труды V Археологического съезда [далее — АС] в Тифлисе, 1881. Т. I. М., 1887. С. LXV, 19–30.

4 Труды VI АС в Одессе, 1884. Т. I. Одесса, 1886. С. 72–85.

5 Основной заголовок такой: «Нельзя ли сделать антропологические выводы о расе, оставившей у нас костяные изделия и кухонные отбросы (kjökken möddinger), и предметы из кости и кухонные отбросы первобытных обитателей России принадлежат ли по форме к переходной эпохе между обивными и полированными орудиями, или они входят в район смежных эпох?». Труды VII АС в Ярославле, 1887. Т. III. М., 1892. С. 59–60.

6 Труды IX АС в Вильне, 1893. Т. II. М., 1897. С. 55.

7 Там же. С. 69–70.

8 Записки ИРАО. Т. II. Новая серия. Вып. 1–3. СПб., 1886–1887. С. CXI.

падноевропейской”. Там он и выступил с докладом “о принадлежащем ему мраморном бюсте Пана”¹.

Вскоре князь Путятин написал сочинение “Из области астрономической археологии...” и предложил его к публикации в “Записках” своего Отделения. Возникла проблема, суть которой изложил председатель Императорской Археологической комиссии (ИАК) граф А.А. Бобринской графу И.И. Толстому в отдельном письме от 11 января 1887 г.: “...Означенная статья, при всех её научных достоинствах, не может быть напечатана в Записках Русского Отделения, во-первых, потому, что типография, печатающая наши Записки, не имеет восточных шрифтов и знаков, встречающихся в статье, во-вторых, потому, что и самое содержание статьи относится более к археологии Востока, нежели России. Осмеливаюсь думать, что её надлежащее место в Записках Восточного Отделения, где она без затруднений будет напечатана и оценена по достоинству читателями, интересующимися Востоком”². Таким образом, сфера интересов князя распространилась и до культуры Востока, о чём свидетельствует целая серия его сообщений по археологии, этнографии, географии и искусству Востока, в том числе на Восточном Отделении ИРАО³.

В 1879 г. князь Путятин навестил знаток христианских и русских древностей Василий Александрович Прохоров, автор многих “почтенных трудов, посвящённых святой старине”. Вместе с ним князь произвёл раскопки курганов в Валдайском уезде (деревня Любава и село Бологое). Спустя годы четыре фрагмента из переписки с ним князь издал в своих “Воспоминаниях”⁴. “Дай Бог побольше встречать таких людей, как Вы; тогда не оскудеет наша русская земля”, – это слова В.А. Прохорова князю. Как известно, В.А. Прохоров устроил в Академии ху-

1 Записки ИРАО. Т. IX. Новая серия. Вып. 1–2. СПб., 1897. С. IV.

2 Автограф. РА ИИМК, ф. 3, № 557, л. 1.

3 “О происхождении свастики” (на заседании ОРСА ИРАО 25 апреля 1897 г. См.: Записки ИРАО. Т. X. Новая серия. Т. X. Вып. 1–2. СПб., 1898. С. 377–378), “О клеймах или штемпелях на каменной плитке из Урфы (Эдессы)” (на заседании ОРСА ИРАО 29 апреля 1900 г. См.: Записки ИРАО. Т. XII. Новая серия. Вып. 1–2. СПб., 1901. С. 399), “Указание, касающееся вопроса о впадении Аму-Дарьи в Каспийское море и подтверждающее самый факт впадения” (на заседании Восточного отделения ИРАО 22 ноября 1901 г. // Известия ИАК. Прибавление к вып. 2. СПб., 1902. С. 2) и др.

4 *Воспоминания и заметки князя Павла Арсеньевича Путятина...* С. 29, 33–35.

дожеств два музея – “древнехристианский” (и был много лет его хранителем) и первый в России “русский бытовой”. При Императорском Русском Географическом обществе (ИРГО) он же основал Этнографический музей. Не исключено, что в деятельности ИРГО князь П.А. Путятин стал участвовать именно с подачи В.А. Прохорова. Во всяком случае, 7 апреля 1882 г. князь становится членом ИРГО именно по Отделению этнографии¹, в котором работал и В.А. Прохоров. Сообщение, сделанное князем в заседании этого Отделения 6 марта 1884 г., до сих пор не утратило своего научного значения – “О гончарном искусстве в каменном веке”².

Не раз в Бологовской усадьбе останавливались экспедиции Петербургского Археологического института во главе с директором Н.В. Калачовым. В исследованиях института всегда активно участвовал хозяин дома, о чём можно судить по многочисленным отчётам и публикациям³. В этом человеке князя Путятин прежде всего привлекали готовность к сотрудничеству, синтетический поиск и жажда познания, ведь и он был олицетворением этих качеств.

Прямую параллель между этнографией и археологией проводит князь Путятин, описывая свои раскопки летом 1880 г. в имении Воронцово Тверской губернии при помощи упомянутого выше Н.В. Калачова, “благотворная и могучая личность” которого так ему нравилась⁴. Помимо точного и характерного описания курганов, князь фиксирует и фольклорное сопровождение: “При раскопках выразился тот же факт народных фантазий о кладях. Пробные ямы, делаемые крестьянами, заставили их предполагать, что мы разыскиваем золото. – А где же? – Не хочу сказать, хотя даже и знаю: он мне снился. – Как же он тебе снился? – Да вот, знаете, сплю я это и вижу место знакомое, а под ним, сквозь землю-то, видать как бы деревянный погреб; в погребу на цепях бочонок висит, а в бочонке-то всё золото! Золотые! – Какие золотые? – Как какие? Разумеется, нашенские, -

1 Состав Императорского Русского Географического общества. СПб., 1913. С. 76.

2 Известия ИРГО. Т. XX. Вып.3. СПб.: тип. А.С.Суворина, 1884. С. 280–309. Ср.: *Путятин П.А., кн. По поводу напечатанного сообщения “О гончарном искусстве в каменном веке”*. Автограф в РА ИИМК, ф.15, № 1.4 л.

3 *Воспоминания и заметки князя Павла Арсеньевича Путятинина...* С. 36.

4 *Воспоминания и заметки князя Павла Арсеньевича Путятинина...* С. 42..

что жар горят. Только место я вам не укажу: перво-наперво потому, что клад следует брать неспроста: нужно чистым быть, – а потом какая мне от этого польза! <...>

Искание кладов очень распространено в среде крестьянства, даже составились легенды о неудачных поисках кладоискателей. Обыкновенно монеты, по их мнению, спрятаны в глиняных горшках, а вследствие незачурания, или прочих несоблюдений ищущими обрядностей, находки обращаются в угли¹.

Такие представления князь попробовал объяснить двумя причинами. Во-первых, он подметил, что крестьяне действительно “в былое время” иногда зарывали свои сбережения в глиняных кубышках “в опечьях или близ дорог”, отсюда ассоциация в крестьянской среде глиняного сосуда как хранилища денег. Во-вторых, крестьяне, как и князь, иногда находили при языческих погребениях урны с кальцинированными костями животных, смешанных с чистым углем, а иногда и “большие урны особого типа... с обугленными остовами самих покойников”. При их обнаружении кладоискателями, считал князь Путятин, у них возникало впечатление, что найденные сокровища из-за какой-то “нечистоты процесса” превратились в угли.

Сколько известно, такие “этнографо-археологические сопоставления”² были большой редкостью в то время. Ценность информации, заложенной в фольклоре и во всех сопровождающих археологические памятники устных традициях, понимал ещё один учёный, младший современник князя, художник Н.К. Рерих³. Он собрал целый набор аналогичных преданий о кладах, дополнив этнографические наблюдения князя П.А. Путьятина⁴. После своего первого визита в августе 1899 г. в Бологое Рерих многие годы, вплоть до своего отъезда из России в 1917 г., регулярно бывал у князя с семьёй, о чём напоминают его научные труды, эпистолярное и художественное наследие.

1 Там же. С. 43–44.

2 Тихонов С.С. Некоторые проблемы интеграции научных дисциплин // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сборник научных трудов / Под ред. А.Г. Селезнева, С.С. Тихонова, Н.А. Томилова. – Нальчик; Омск: Издательство ОмГПУ, 2001. С. 40–42.

3 Мельников В.Л. Предания Северо-Запада в научном архиве Н.К. Рериха // Рериховское наследие. Труды I Международной научно-практической конференции. Т. I. СПб., 2002. С. 426–433.

4 Шамин С.М. Клад захоронённый // Петербургский Рериховский сборник. Вып. II–III. Самара, 1999. С. 723–728.

Для Рерихов, как, впрочем, и для многих других гостей Бологовской усадьбы, Павел Арсеньевич всегда был живым звеном, связующим с выдающимися людьми и событиями прошлого: пушкинским кругом, эпохой императорских охот, миром потомственных петербургских собирателей-подвижников.

Как уже отмечалось выше, Павел Арсеньевич не раз лично содействовал Н.К. Рериху, когда тот исследовал то или иное урочище в Валдайском, Вышневолоцком и других уездах Тверской и Новгородской областей. Рерих с большой энергией подключился к той задаче, которую когда-то поставил для себя князь Путятин: изучить условия первобытной жизни обитателей данной местности. Результаты этого сотрудничества уже были предметом отдельного рассмотрения¹. Здесь мы лишь отметим, что совместные исследования князя Путятина и Рериха по своей комплексности, целенаправленности и изначальной интегративности позволили довольно объективно реконструировать образ жизни и производственную деятельность древних насельников Валдайской возвышенности, при обязательной увязке с природно-географическими параметрами и использованием данных и наблюдений в области первобытного искусства, геологии, палеоэтнологии, этнографии и антропологии. Выражаясь современным языком, в своих исследованиях они на практике применили «этноархеологический подход»², открывший новые возможности в изучении доисторической культуры. И хотя данные своих исследований они публиковали или докладывали самостоятельно, у них мы часто находим ссылки друг на друга, а порой и прямые переключки или даже диалоги³, как

1 Мельников В.Л. Н.К. Рерих и князь П.А. Путятин // Н.К. Рерих и его современники. Коллекции и коллекционеры. Сб. статей по материалам Международной научно-практической конференции. Одесса, 2001. С. 6–32.

2 Щетенко А.Я. Этноархеологический подход в изучении древнейшей истории Индостана // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сборник научных трудов / Под ред. А.Г. Селезнева, С.С. Тихонова, Н.А. Томилова. – Нальчик; Омск: Издательство ОмГПУ, 2001. С. 45–47.

3 См. например, работу князя Путятина этого периода: «Presentation de nombreux objets prehistoriques, provenant de fouilles excecutees en Russie» 1905 г. (Le Mans. Imprimerie de Monnoyer. Paris, 1906. In-8°, 6 p., fig. Premier Congrès prehistorique de France, session de Perigueux, 1905. С. 145–150. Копрекура с пометками автора в РА ИИМК, ф. 15, № 28. 4 л.). Кроме этого, известны следующие выступления князя на заседаниях ИРАО: «Несколько дополнений к реферату Н.К. Рериха о раскопках, произведённых им летом 1897 года в Царскосельском уезде (мыза Извара)» (19 сентября 1897);

ТРИУМФ МУЗЕЯ?

было с публикацией доклада Рериха “Из прошлой и настоящей жизни русского искусства” и прений при его обсуждении 2 ноября 1904 г. в Санкт-Петербургском обществе архитекторов. Выступая в поддержку доклада, князь Путятин в который раз проводил “объединительную” линию. В этом собрании он призвал объединиться учёных, архитекторов и художников “для отпора невежеству” в области защиты памятников от варварского уничтожения и искажения¹.

Познакомиться, что называется воочию, с результатами таких подходов и реконструкций и позволял частный усадебный музей в Бологом, являясь, таким образом, одним из первых подобных музеев в России, реализовавшим к тому же в своей практике все поставленные своим создателем задачи.

* * *

Судя по архиву учёного, последнее научное заседание, на котором он присутствовал, состоялось 14 апреля 1918 г. в ИРГО, т. е. за девять месяцев до его кончины². Последний известный его автограф относится ко второй половине 1917 г. – это письмо Н.К. Рериху, ставшему к тому времени ему самым близким человеком. Так писал учёный, беззаветно преданный науке даже в годину тяжелейших испытаний, потерявший в пожаре труд всей своей жизни, своё любимое детище – Бологовский Путятинский музей: “Относительно науки могу одно сказать – теперь она принижена и только иногда бывают учёные

«Предложение исследовать в 1900 году курганы по реке Мсте (По поводу реферата Н.К. Рериха о раскопках, произведённых им летом 1899 года в пределах Новгородской и Псковской областей)» (6 ноября 1899); «Несколько соображений об условиях находки Н.К. Рерихом янтарных вещей в кургане на берегу озера Шерегородо в Новгородской губернии» (30 ноября 1902) (См.: Краткий список работ князя П.А. Путятина // *Мельников В.Л.* Князь Павел Арсеньевич Путятин и его бологовская усадьба. СПб. – Вышний Волочёк, 2000. С. 51–59). В ряде публикаций Н.К. Рериха встречаются ссылки на труды князя Путятина или даже излагаются какие-либо его выводы, например: «К древностям Валдайским и Водским. (Раскопки 1900 г.)», «Некоторые древности пятин Деревской и Бежецкой. (Раскопки, произведенные в 1902 г. по поручению ИРАО)», «Каменный век на озере Пирос» (1904) и т. д.. (См. подробнее: *Рерих Н.К.* Археология: Кн. 1: Материалы Императорской Археологической комиссии. 1892–1918. // Петербургский Рериховский сборник. Вып. II–III. Самара, 1999. № 2–3. / Главный ред. А.А. Бондаренко, сост. В.Л. Мельников).

1 См.: Искусство. СПб., 1905. № 4–8. С. 48–54, 143–151.

2 РА ИИМК, ф. 15, № 203, л. 215.

доклады в обществах, но на них по случаю трудностей в трамваях и прочего часто невозможно попадать. <...> Жаль мне очень Бологовского дома и моего кабинета, моей лаборатории раскопок и продуктов драги с озёрных жилищ на плотках. Образцы почв тоже я не успел подвергнуть промывке до пожара. Что из моей библиотеки и собраний предметов науки пропало, не могу ещё сообразить. Ещё в 1878-м году в “Памятниках древней письменности” у Ф.И. Булгакова была статья под заглавием “Палеографическая коллекция князя П.А. Путятина”¹. Картины и мебель спасли. По-видимому, тут был недосмотр трубочиста, чистившего трубы к нашему приезду летом. Но что наше горе с ужасами погромов дворцов, уничтожением памятников истории и искусств, старинных зданий усадеб и прочего, прочего. Наши с Вами художественные волнения ничто перед этим. Там уничтожалось воюющими народами – а тут свой своего и своих разоряет и уничтожает, доводя до голода народ”².

Как писал А.А. Спицын в очерке на смерть учёного, “если он достиг такой завидной старости, то, конечно, благодаря своему ясному душевному настроению, не знавшему колебаний ни в политических, ни в религиозных взглядах”³.

Всю свою жизнь князь Путятин посвятил интеграции смежных наук. Эта простая, казалось бы, задача всё-таки не сходит с повестки дня, ведь и в наши дни, как справедливо отметил С.С. Тихонов, интеграцию знаний по-прежнему используют минимальное количество коллективов и отдельных исследователей. Изучая наследие князя Путятина, можно учиться широте и разнообразию возможных подходов, а его немногие сохранившиеся до наших дней коллекции осуществляют на практике соединение разных областей изучения человеческого общества, культуры древнего человека, истории искусства.

К счастью, сохранилась значительная часть его творческого архива в виде отдельного фонда в Институте истории материальной культуры РАН. Особый интерес представляют рукописи неизданных сочинений, а также письма и документы Ф.К. Волкова, Н.П. Клишевича, С.Ф. Платонова, Н.В. Покров-

1 Имеется в виду публикация: *Виноградов А. Н.* Палеографическая коллекция князя П. А. Путятина...

2 Автограф в архиве Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. Полный текст см.: *Мельников В.Л.* Князь Павел Арсеньевич Путятин и его бологовская усадьба... С. 49–51.

3 *Спицын А.А.* Указ. соч.

ского, князя А.С. Путятина, князя М.С. Путятина, Н.К. Рериха, А.А. Спицына, графа А.С. Уварова и многочисленных иностранных корреспондентов, в том числе и сотрудников музеев. Непреходящую ценность для истории отечественной и европейской науки имеют подборки документов тех обществ и организаций, членом которых князь Путятин состоял. Кроме вышеназванных, это Петербургское общество естествоиспытателей, Петербургская учёная архивная комиссия, Антропологическое общество при Военно-Медицинской академии, Общество ревнителей истории, Общество поощрения художеств, Московское Археологическое общество, Московский Археологический институт и ряд других.

В настоящее время на базе Музея-института семьи Рерихов в Санкт-Петербурге и Рериховского центра Санкт-Петербургского государственного университета готовится в свет издание избранных сочинений князя П.А. Путятина. В него войдут как опубликованные, так и неизданные сочинения этого самобытного учёного. Из тематики музейного дела, атрибуции экспонатов, коллекционирования и собирательства будет представлено не менее 10 работ. Значительный блок в издании наследия князя П.А. Путятина составит также его литературное наследие – переписка, эссеистские воспоминания и поэзия.

Воистину, “на пользу всего человечества” (выражение Н.К. Рериха) жил, занимался наукой, собирал коллекции, помогал людям словом и делом князь Павел Арсеньевич Путятин.